

В. А. Александров

**В. И. ЛЕНИН О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ
В КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ РОССИИ**

В историографии дореволюционной России трудно найти проблему, которая была бы так тесно связана с общественно-политической борьбой, как проблема сельской общины. Интерес к ней впервые вспыхнул только в середине XIX в., но уже в последующие пять-шесть десятилетий о сельской общине была создана колоссальная литература. Если к 1850 г. было издано только 4 работы о русской сельской общине, а к 1855 г.— 5, то за пятилетие с 1856 по 1860 гг.—99 и к 1880 г.—546 работ. По другим библиографическим подсчетам литература о сельской общине, вышедшая в свет в 1876—1904 гг., насчитывала более 2 тыс. названий книг и статей¹.

В России накануне буржуазной реформы 1861 г. и сразу же после ее осуществления все общественные и политические силы в стране прежде всего определяли свою позицию в крестьянском вопросе, имевшем тогда первостепенное значение в развитии общества и государства. В полемике по этому вопросу, отражавшей разгоравшуюся классовую борьбу и захватившей отъявленных крепостников и либералов, славянофилов и западников, народников и марксистов, не случайно первостепенное место отводилось сельской общине. С отменой крепостного права и изменением общественных отношений в русской деревне ранее мало кого интересовавший вопрос о сельской общине приобрел принципиальное и злободневное значение. Быстро определившиеся в этой борьбе взгляды (главным образом на земельную собственность) тотчас потребовали исторических обоснований происхождения существовавшей сельской общины, ее взаимоотношений с государственной властью и значения в хозяйственной жизни деревни. Историки, этнографы, правоведы, экономисты стремились обосновать взгляды того общественного лагеря, к которому они идейно примыкали или которому сочувствовали.

Специфичность устройства русской сельской общины, не знавшей частной собственности на землю, ее уравнилельно-передельная земельная система, круговая порука и другие хозяйственные и бытовые особенности, резко отличавшие ее в XIX в. от западноевропейской деревни, укрепляли у многих исследователей уверенность в самобытном историческом пути России и способствовали развитию именно в этом направлении общетеоретических взглядов в русской буржуазной историографии второй половины XIX—начала XX вв. Еще в конце 1830-х гг. славянофилами (И. Киреевским, А. Хомяковым) была выдвинута идея об общине как изначальной и основной форме русской народной жизни. В 50-х гг. XIX в. точка зрения на историю общины была сформулирована теоретиком «государственной школы» и идеологом помещичье-буржуазного либерализма Б. Н. Чичериным. Отрицая какую-либо преемственную связь с ранее существовавшими на Руси формами общины и обосновывая всеисилие государственного начала в русском историческом процессе, Б. Н. Чичерин объявил, что бытовавшая в XIX в. в России сельская

¹ С. А. Токарев, История русской этнографии, М., 1966, стр. 291.

община создана была именно государством как фискальная организация в связи с введением подушной подати в XVIII в. Опираясь на эту точку зрения, другие защитники помещичьего землевладения доказывали, что общинное устройство не дает крестьянам права на землю, а его порядки (переделы, круговая порука) порождены крепостным правом, инициативой помещиков и т. п. Точка зрения Б. Н. Чичерина в дальнейшем была поддержана и П. Н. Милюковым. «По существу своему, русская община есть принудительная организация, связывающая своих членов круговым обязательством в исправлении отбывания лежащих на ней платежей и повинностей и обеспечивающая себе эту исправность уравниванием повинностей с платежными средствами каждого члена»² — писал он, и далее проводил мысль о распространении общинных порядков из центра страны на север и юг России в XVIII—XIX вв. под правительственным нажимом³. Та же мысль проводилась крупным историком права В. И. Сергеевичем с той только разницей, что создание общины он относил к концу XV в. и даже к еще более раннему времени⁴.

Взгляды на административное, сравнительно недавнее происхождение сельской общины и чисто фискальный характер ее организации и функций встретили ожесточенное сопротивление со стороны представителей самых разных направлений общественно-политической мысли. Славянофилы отстаивали мысль о существовании общины с древнейших времен в неизменном виде (И. Д. Беляев, К. С. Аксаков и др.). «Защитники исконности и незыблемости русской общины (К. Аксаков и др.) видели в ней гарантию от проникновения в деревню капитализма и от зарождения в России пролетариата, с выступлением которого они связывали европейские революции и появление „язв капитализма“ — писал Б. Д. Греков⁵. Против теории как «государственной школы», так и славянофилов о происхождении общины в России выступил глава революционных демократов Н. Г. Чернышевский; «если Чернышевский разоблачал славянофильские представления о русской общине, как выражение „народного духа“, то он с неменьшей решительностью опровергал либерально-буржуазные извращения, цель которых заключалась в том, чтобы доказать будто бы русская община создана самодержавным государством» — писал один из наиболее авторитетных советских исследователей-историографов В. Е. Иллерицкий⁶.

В дальнейшем взгляды славянофилов, доказывавших историческую обусловленность особого уклада русской жизни, были восприняты народниками⁷.

Конкретные исследования этнографического, земельно-статистического и правового характера, активно развернувшиеся с 1860—70-х гг., дали большой материал о сельской общине и привели исследовательскую мысль к ряду интересных наблюдений. На основании материалов комиссии по преобразованию волостных судов С. В. Пахман показал широкое бытование норм обычного права в жизни общины и отметил многообразие ее функций (хозяйственных, административных, морально-воспитательных, контролирующих и др.). Подчеркивая известную зависимость правительственного законодательства от правовых начал, столетиями разрабатывавшихся в сфере народного быта, он писал: «Сельская об-

² П. Н. Милюков, *Очерки по истории русской культуры*, СПб., 1904, стр. 238.

³ Там же, стр. 258—260.

⁴ В. И. Сергеевич, *Древности русского землевладения*, «Журнал Министерства народного просвещения», 1901, № 3, стр. 49, 54.

⁵ Б. Д. Греков, *Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.*, кн. I, М., 1952, стр. 60, 61.

⁶ В. Е. Иллерицкий, *Вопросы древнерусской истории в освещении революционеров-демократов*, «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. XI, М., 1958, стр. 200.

⁷ В. А. Твардовская, *Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг.*, М., 1969, стр. 191, 192, 115.

щина в той или другой форме существовала задолго прежде чем она стала прямым органом общих интересов государства»⁸. Ретроспективные наблюдения о поземельных отношениях у русских крестьян на Русском Севере (А. Я. Ефименко, А. Лалаш, Г. Приклонский и др.) и анализ выявленного по тем же областям архивного материала (П. А. Соколовский, П. Иванов) привели исследователей к мысли о существовании в разные хронологические периоды различных форм поземельных отношений, изменявшихся под воздействием конкретных хозяйственных обстоятельств или правительственной политики. А. А. Кауфман, обобщивший огромный статистический материал, главным образом по Сибири, представлял смену общинных поземельных форм как эволюционный процесс развития общины. В создании общинно-уравнительной формы основную роль он отводил экономическим отношениям и полагал, что эта форма землепользования была результатом внутриобщинных процессов, проходивших под влиянием прогрессирующего земельного «утеснения»⁹, «не община создает уравнительные порядки землепользования, не община творит общинное обычное право, а наоборот, на общинно-уравнительных порядках складывается и сплавляется земельная община»¹⁰. Мысль об эволюционной смене поземельных общинных форм развивалась и обобщалась и другими исследователями. А. А. Кауфман, доказывавший систему своих взглядов на основании «живых» фактов, бытовавших в его время на окраинах государства, отрицательно относился к возможности восстановления по документам «действительного вида и действительной эволюции» форм землепользования в XVI—XVIII вв.¹¹. На том же настаивали А. Я. Ефименко и даже Н. А. Рожков, специально занимавшийся историей сельского хозяйства России в XVI в.¹²

Однако исследования по истории русского крестьянства XVI—XVIII вв. А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Семевского, П. А. Соколовского, П. Иванова и других ученых показали неосновательность такого пессимизма. А. С. Лаппо-Данилевский, прослеживая происхождение территориальной крестьянской общины, отводил государственному воздействию лишь роль ускоряющего фактора в этом процессе. Он подчеркивал, что «развитие крестьянской общины не всюду привело к однообразным результатам вследствие различия естественных и социально-экономических условий, среди которых оно было поставлено в разных местностях северной, средней и южной полосы государства»¹³. Приблизительно та же точка зрения о «естественном» происхождении общины развивалась В. И. Семевским. Он доказывал, что к середине XVIII в. в центральной России общинное землевладение с переделами было повсеместным, давно установившимся явлением у разных категорий крестьян¹⁴.

Приведенные мнения, конечно, далеко не исчерпывают истории теоретического спора о происхождении и существовании сельской общины, бытовавшей в России. Они лишь свидетельствуют о том, что русская буржуазная историческая наука так и не смогла разрешить эту проблему, хотя

⁸ С. В. Пахман, Обычное гражданское право в России, т. I, СПб., 1877, стр. 11.

⁹ А. А. Кауфман, Документы и живая история русской общины, СПб., 1904, стр. 44.

¹⁰ А. А. Кауфман, К вопросу о происхождении русской земельной общины, М., 1907, стр. 29.

¹¹ А. А. Кауфман, Русская община. В процессе ее зарождения и роста, М., 1908, стр. 437.

¹² Н. А. Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, М., 1899, стр. 201.

¹³ А. С. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований, СПб., 1890, стр. 78.

¹⁴ В. И. Семевский, Очерки из истории крепостного права в Великороссии во второй половине XVIII в., «Русская мысль», М., 1880, кн. V, стр. 92—95; его же, Казенные крестьяне при Екатерине II, «Русская старина», 1879, т. 25, стр. 238, 242; его же, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 2, СПб., 1901, стр. XII, 35.

много сделала в выявлении и изучении некоторых типов источников и добилась существенных результатов в исследовании отдельных форм общинного землепользования и норм обычного права, регулировавших хозяйственную и бытовую жизнь общинного крестьянства. Попытки обобщения материала по истории общины, сделанные Ф. Щербиной, и последовавшие обобщающие работы К. Р. Качоровского и А. А. Кауфмана не достигли и не могли достичь своей цели¹⁵. Различные взгляды на общину (как на изначальное и неизменное явление русской жизни; как на формы общественной организации, по своему существу органически не связанные друг с другом на разных этапах исторического развития, или, наконец, как на эволюционную смену форм землепользования) продолжали существовать, и А. А. Кауфман справедливо писал в 1908 г.: «Сорок пять лет прошло,— и несмотря на огромные успехи русской исторической науки, на колоссальные запасы новых факторов, осветивших вопрос о происхождении общины в некоторых совершенно новых направлениях, вопрос этот остается открытым, и взаимно друг друга исключаящие взгляды по-прежнему находят одинаково многочисленных и авторитетных сторонников»¹⁶. Причина этой общей для русской буржуазной науки неудачи объяснялась не столько сложностью проблемы, недостаточной разработкой исторических источников, сколько противоречивостью политических взглядов (прежде всего на земельную частную собственность) и — самое главное — общей методологической слабостью буржуазных исследователей, чуждых подлинного понимания внутренней закономерности исторического процесса. Только Н. П. Павлов-Сильванский подошел к пониманию общины как определенной стадии общественного развития народов и, рассматривая общину в системе развивавшегося феодализма, большое внимание уделил истории ее подчинения крупному землевладению, боярщине¹⁷.

Методологические пути решения проблемы общины, в частности, в России, были определены только марксистско-ленинской наукой. К. Маркс и Ф. Энгельс создали научную схему постепенного разложения первобытной собственности, становления сельской общины — марки и подчинения ее феодалам в процессе формирования и развития феодального способа производства. Они во многих работах подчеркивали исторический приоритет общинных форм землевладения над частными и прослеживали судьбу общины в условиях разных социально-экономических формаций. Наброски ответа К. Маркса на письмо В. И. Засулич свидетельствуют о его глубоком внимании к сельской общине в пореформенной России; К. Маркс рассматривал сельскую общину в России как один из типов в общем ряду подобных же социальных образований, «отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции»¹⁸. Выводы К. Маркса и Ф. Энгельса послужили основой в историко-материалистическом осмыслении судеб и существа русской общины.

Работы В. И. Ленина открыли новый, марксистский этап в развитии исторической науки в России; в них было уделено немало места и проблемам общины. Обосновывая свою точку зрения на существо аграрного вопроса в России, В. И. Ленин направлял острие критики прежде всего против широко распространенных в среде демократической интеллигенции народнических взглядов. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал неисторичность этих взглядов. В ранней теоретической работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»

¹⁵ Ф. Щербина, Русская земельная община, «Русская мысль», 1880, № 5—8, 10, 12; К. Р. Качоровский, Русская община, М., 1906.

¹⁶ А. А. Кауфман, Русская община. В процессе ее зарождения и роста, стр. 408.

¹⁷ Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910, гл. 8, стр. 228 и след.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 417.

В. И. Ленин указывал, что народническая теория в своем первоначальном виде исходила из представления об особом укладе народной жизни в России и их теоретическая работа «была направлена главным образом на изучение той формы *землевладения*, в которой хотели видеть задатки коммунизма... Но этот материал, касающийся преимущественно формы *землевладения* совершенно загрозил от исследователей *экономику* деревни»¹⁹. В. И. Ленин, развивая свою мысль, указывал, что народники своими разглагольствованиями о «народном строе» и «общине» обходят главное — политико-экономическую структуру деревни²⁰. В своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин тогда же подчеркивал, что народники «за формой *землевладения* отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства»²¹ и объясняют состояние деревни особенностями поземельной, податной, промышленной политики, а не особенностями общественной организации производства²². Чуть позднее (1897 г.), в работе «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин при характеристике народнических воззрений особо выделял взгляды народников на капитализм в России как на регресс в общественном развитии и их уверенность в самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п., в частности²³. Наконец, в 1905 г., говоря об эволюции народнической идеологии, В. И. Ленин вновь писал: «Старое русское революционное народничество стояло на утопической, полуанархической точке зрения. Мужика-общинника считали готовым социализмом»²⁴.

В. И. Ленин подчеркивал, что при изучении общины важно не путать две различные стороны вопроса — агрикультурную и бытовую сторону с политико-экономической²⁵; именно последней он отводил первостепенное значение. В характеристике прошлого русской общины В. И. Ленин прежде всего исходил из социально-экономических условий, в которых она существовала.

Создание теории пролетарской революционной борьбы в России В. И. Ленин считал невозможным без конкретного знания истории, ибо полагал, что «теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата»²⁶. В. И. Ленин развивал марксистское учение о социально-экономических формациях, как основным звеном в понимании закономерностей исторического процесса. Дialeктико-материалистический анализ особенностей развития России в эпоху капитализма В. И. Ленин основывал на изучении предшествующей, феодальной формации, осмыслении сущности свойственных ей общественных отношений и условий, определявших господство этих отношений. Впервые в русской исторической науке В. И. Ленин указал на существование феодализма в России, как системы общественных отношений, основывающихся на крепостничестве. В своей работе «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902) В. И. Ленин считал идентичными понятия «крепостники-помещики» и «феодалы»²⁷, а несколько позже термин «феодализм» объяснял как — «землевладение и привилегии крепостников-помещиков»²⁸. Понимание В. И. Лениным феодализма, как системы общественных отношений в

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 284—285.

²⁰ Там же, стр. 333.

²¹ Там же, стр. 355.

²² Там же, стр. 381.

²³ Там же, т. 2, стр. 528.

²⁴ Там же, т. 9, стр. 179.

²⁵ Там же, т. 17, стр. 81.

²⁶ Там же, т. 1, стр. 307.

²⁷ Там же, т. 6, стр. 314—315.

²⁸ Там же, т. 22, стр. 155.

России, вело к принципиально новому подходу к русской средневековой истории, а его знаменитая характеристика сущности феодализма в России — крепостнического барщинного хозяйства (господство натурального хозяйства; наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и земель, в частности; его прикрепление к земледельческой зависимости крестьянина от помещика; крайне низкое и рутинное состояние техники), данная в третьей главе «Развития капитализма в России»²⁹, явилась по существу целой программой научных исследований для марксистов-аграрников в России.

В глубокой взаимосвязи рассматривал В. И. Ленин состояние и изменение общественных отношений и государственного строя в феодальной России. Как известно, В. И. Ленин считал XVII в. в истории России переломным моментом, началом «нового периода» в ее истории, когда началось образование всероссийского рынка и буржуазных связей³⁰. Отмечая различные этапы развития русского государственного строя за три века, — монархию XVII в. с боярской думой, чиновниче-дворянскую монархию XVIII в., монархию первой половины XIX в. («эпоха николаевская крепостная») — и изменение уклада российского государства в 1861 г., В. И. Ленин указывал на единый, хотя и длительный путь превращения феодальной монархии в монархию буржуазную³¹ и подчеркивал, что в аграрном строе пореформенной России стойко сохранялись остатки крепостнических отношений, которые охранялись самодержавием. Даже после революции 1905 г. В. И. Ленин называл русский царизм «полупатриархальным, полукрепостническим»³². Анализируя процесс развития капитализма в русской деревне, В. И. Ленин прежде всего обращался к характеристике пережитков крепостничества и связывал их с существом феодальных производственных отношений. «Гениальное проникновение В. И. Ленина в глубь и в сущность явлений делает его высказывания по данным вопросам одинаково ценными для понимания не только русского варианта феодальных отношений, но и существа феодальных производственных отношений в целом», — отмечал крупный советский медиевист С. Д. Сказкин³³.

Исследование В. И. Лениным процесса развития капитализма в русской деревне дает возможность понять существо сельской общины в крепостнической России. Если буржуазные ученые, собравшие огромное количество «живых» фактов об общине, так и не смогли воссоздать ее истории, то В. И. Ленин в той же российской действительности конца XIX в. сумел увидеть пережиточные явления в жизни крестьянского мира и дал четкое представление о его положении и месте в крепостническом обществе. Говоря о пережитках крепостничества в русской деревне, В. И. Ленин имел прежде всего в виду сохранившиеся пережитки феодальной социально-экономической системы, ее основу — барщинное хозяйство, существо последнего — его натуральный характер, и надстроечное явление — крепостное состояние крестьян, которое обеспечивало функционирование этого хозяйства. В. И. Ленин не случайно называл феодально зависимых крестьян владельцами, но не собственниками, наделов, учитывая фактическую монополию феодалов на основное средство производства — землю. «В средние века, в эпоху московского царства», В. И. Ленин четко выделял в структуре феодального хозяйства два звена — вотчину и крестьянскую общину в их неразрывной взаимосвязи; «...помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184—185.

³⁰ Там же, т. 1, стр. 153—154.

³¹ Там же, т. 17, стр. 346; т. 20, стр. 121, 165—166, 196—197.

³² Там же, т. 17, стр. 358.

³³ С. Д. Сказкин, В. И. Ленин и некоторые проблемы медиевистики, сб. «Средние века», вып. XVIII, М., 1960, стр. 4.

территориальными союзами», — писал он³⁴. В этой формулировке обращает на себя внимание понимание общины как «территориального союза», т. е. признание В. И. Лениным ее соседского характера.

В. И. Ленин подчеркивал, что замкнутость вотчины и крестьянской общины обуславливалась натуральным характером хозяйства. «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром»³⁵, — писал В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России»; там же он говорил и об обособленности хозяйства крестьян: «Прикованные к своему наделу, к своей крохотной «общине», они были резко отделены даже от крестьян соседней общины различием тех разрядов, к которым они принадлежали»³⁶. Развивая эту мысль, В. И. Ленин в «Аграрной программе социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» дал характеристику общин как мелких, обособленных хозяйственных миров: «Средневековым является в России не только помещичье, но и крестьянское надельное землевладение. Оно невероятно запутано. Оно раздробляет крестьян на тысячи мелких делений, средневековых разрядов, сословных категорий. Оно отражает на себе вековую историю беспардонного вмешательства в крестьянские поземельные отношения и центральной власти и местных властей. Оно загоняет крестьян, точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглогового характера, союзы по владению надельной землей, т. е. общины»³⁷. Раскрывая содержание производственных отношений в крепостническом хозяйстве, где помещик давал крестьянину средства производства и где «надел», как часть земельных владений все той же вотчины, «служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук»³⁸, В. И. Ленин указывал на хозяйственную зависимость вотчины от крестьянского хозяйства, на невозможность ее существования вне этого хозяйства. При этой взаимосвязи община была для феодала-вотчинника орудием по обеспечению его интересов, по обеспечению фискальных, тягловых повинностей. Крепостники-помещики, как писал В. И. Ленин, проводили политику охранения старых общинных порядков крестьянского землевладения вплоть до конца XIX в.³⁹

В. И. Ленин несколько раз подчеркивал, что исполнение крестьянами вотчинных повинностей было возможно только при условии прикрепления их к земле. В своей работе «Что такое „друзья народа“...» В. И. Ленин писал, что только одно крепостное право обеспечивало «связь» крестьянина с землей⁴⁰, а в «Развитии капитализма в России», анализируя крепостнические пережитки пореформенной деревни, вновь отмечал: «Без той или иной формы прикрепления населения к месту жительства, к „общине“, без известной гражданской неполноправности, отработки, как система, были бы невозможны»⁴¹. Поземельную общину В. И. Ленин называл фискально-крепостнической обузой, связывавшей крестьян круговой порукой, сословными рамками, препятствовавшей свободе передвижений и свободе распоряжений землей каждым крестьянином⁴². Система сословных ограничений, существование которой поддерживалось общиной, обеспечивала при общинном разделе земли обязательность надела для крестьянина, что было основным условием существования крепостнического хозяйства. «Безземельный, безлошадный,

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

³⁵ Там же, т. 3, стр. 184.

³⁶ Там же, стр. 312—313.

³⁷ Там же, т. 16, стр. 405—406.

³⁸ Там же, т. 1, стр. 516 (см. также, т. 1, стр. 473; т. 3, стр. 183).

³⁹ Там же, т. 16, стр. 423.

⁴⁰ Там же, т. 1, стр. 248.

⁴¹ Там же, т. 3, стр. 198.

⁴² Там же, т. 6, стр. 344.

бесхозный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации», — отмечал В. И. Ленин⁴³. Обязательное, наделное крестьянское землевладение В. И. Ленин называл средневековым⁴⁴, а, перечисляя черты крепостнического хозяйства, наряду с подчинением крестьян привилегированным землевладельцам в области суда и управления, понятие обязательное «обеспечение наделом» ассоциировал с понятием «прикрепление к земле»⁴⁵.

«Союз по владению наделной землей» отражал сословную — общественную и хозяйственную — организацию русского крестьянства, причем сугубо замкнутую, разобщающую самих же крестьян. В. И. Ленин тонко подметил сословную солидарность крепостной деревни по отношению к помещику: «тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу»⁴⁶. В этом случае община представляла из себя силу, на которую крестьянин опирался. В. И. Ленин подчеркивал, что мир был силою в крепостной деревне, «когда всех давил одинаково барин-крепостник»⁴⁷. Но эта сословная замкнутость общины, определявшаяся раздробленностью производства, свойственной феодальному обществу, что не раз отмечалось В. И. Лениным, ослабляла социальный протест крестьянства.

В 1897 г. в работе «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин отмечал принципиальное отличие капиталистического производства в деревне от производства общинного: «„Община“ давала (если давала...) организацию производству только в одной отдельной общине, разьединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал только членов одной общины. Капитализм же создает общественный характер производства в целом государстве»⁴⁸.

Критикуя в 1902 г. аграрную программу эсеров и связывая ее с идеями народничества о переходе к социализации земли на основе традиций общинного распоряжения землей, В. И. Ленин называл безнадежно слепыми и глухими тех, кто не знает, что средневековая замкнутость общины раздробляет крестьянство на крохотные союзы и поддерживает традиции кобности, забитости и одичалости⁴⁹. Эта же мысль проводилась В. И. Лениным в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (1908 г.), где он указывал, что община «играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян, точно прикованных к мелким союзам и к потерявшим всякий „смысл существования разрядам“»⁵⁰, и подчеркивал фактическое отсутствие уравнительности в земельном обеспечении крестьян различных общин⁵¹, объясняемое различиями местных условий и безраздельным господством крепостников-помещиков. «Только внутри мелких общин аппарат переделов создает уравнительность этих небольших замкнутых союзов», — отмечал В. И. Ленин⁵². По определению В. И. Ленина, средневековая форма землевладения и организация всей хозяйственной жизни русской деревни в их взаимосвязи

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 72.

⁴⁴ Там же, т. 16, стр. 258.

⁴⁵ Там же, т. 1, стр. 491.

⁴⁶ Там же, стр. 305—306.

⁴⁷ Там же, т. 7, стр. 149.

⁴⁸ Там же, т. 2, стр. 214.

⁴⁹ Там же, т. 6, стр. 395.

⁵⁰ Там же, т. 17, стр. 65.

⁵¹ Там же, стр. 82.

⁵² Там же.

консервировали феодальный способ производства: «Владение надельной землею разделяет крестьян тысячами средневековых перегородок и средневековою фискальною „общиною“, задерживает развитие производительных сил»⁵³.

Противоречивость общины, как института феодального общества отражалась и на воспитанной веками психологии крестьянства. В. И. Ленин, высмеивая народническую веру в коммунистические инстинкты «общинного» крестьянина, якобы готового к борьбе за социализм⁵⁴, говорил, что «система „стародворянского“ хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, и создавала придавленность личности»⁵⁵. Эта придавленность личности крепостного крестьянина, лишенного какого-либо общественно-го кругозора, укреплялась принципами и общинного существования, укоренившимся в сознании крестьян представлением о необходимости надельного землевладения и их враждебностью к частному владению. В характеристике общественной значимости произведений Л. Н. Толстого В. И. Ленин предельно четко показывал противоречивость психологии общинного крестьянина и ее тормозящую роль в пореформенных условиях России: «В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-„надельное“, стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению»⁵⁶.

В теоретической полемике В. И. Ленина с народниками одно из основных мест занимал вопрос о путях развития капитализма в русской деревне. По мнению народников, именно общинное начало препятствовало проникновению капитализма в земледельческое производство. В. И. Ленин на огромном фактическом материале пореформенного периода, особенно в своей книге «Развитие капитализма в России», показал глубокую ошибочность этого теоретического положения, опиравшегося, в частности, на распространенное в буржуазной историографии убеждение о самобытности исторического пути России. «Крестьянская собственность на землю (вырабатывавшаяся в течение феодального периода), — писал В. И. Ленин, — и была повсюду на Западе, как и у нас в России, — основой буржуазного общества»; в сноске он конкретизировал свою мысль: «Доказательство — разложение крестьянства»⁵⁷.

Хорошо известно, что В. И. Ленин отмечал крайне медленное развитие капитализма в русской деревне. В «Развитии капитализма в России» он писал о противоречивости этого процесса: «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его. Самая глубокая, — потому что именно здесь, вдали от каких бы то ни было „искусственных“ воздействий и несмотря на учреждения, стесняющие развитие капитализма, мы видим постоянное образование элементов капитализма внутри самой „общины“. Самая прочная, — потому что на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриар-

⁵³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 158.

⁵⁴ Там же, т. 1, стр. 284; т. 9, стр. 179.

⁵⁵ Там же, т. 1, стр. 434.

⁵⁶ Там же, т. 20, стр. 20—21.

⁵⁷ Там же, т. 1, стр. 281.

хального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью»⁵⁸. Отмечая враждебность крепостничеству всех имущественных слоев деревни, В. И. Ленин в то же время указывал: «...за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм»⁵⁹. Этот антагонизм определялся имущественным неравенством в сельской общине. По словам В. И. Ленина, крепостническая форма общественного устройства «создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму»⁶⁰. Но в ходе буржуазного расслоения крестьянства появились принципиально новые социальные категории. «Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой „дифференциацией“ процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только „дифференцируется“, оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения... Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат...», — писал В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России»⁶¹. В. И. Ленин видел длительность и сложность процесса возникновения нового типа хозяйства и образования новых типов сельского населения: «еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при *денежной ренте*, которая является простым изменением формы натуральной ренты. Непосредственный производитель отдает землевладельцу не продукты, а цену этих продуктов. Базис этого вида ренты остается тот же: непосредственный производитель по-прежнему является традиционным владельцем земли, но „этот базис идет здесь навстречу своему разложению“... Традиционное, обычно-правовое отношение зависимого крестьянина к землевладельцу превращается здесь в чисто денежное отношение, основанное на договоре. Это ведет, с одной стороны, к экспроприации старого крестьянства, с другой — к выкупу крестьянином своей земли и своей свободы»⁶². По мере дифференциации постепенно изменилась и община, а в дальнейшем с разложением «старого крестьянства» — в известной степени и ее существо. Еще в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895 г.) В. И. Ленин отмечал, как характерное явление, рост буржуазии «изнутри нашей „общины“, а не извне ее, что порождается она самими общественными отношениями в среде ставшего товаропроизводителем крестьянства»⁶³. В. И. Ленин великолепно показал своеобразие замедленного становления буржуазных отношений в русской деревне. В. И. Ленин обратил внимание на специфичность отходничества в деревне при переходе от феодального способа производства к капиталистическому, когда крестьянин, будучи не в состоянии прокармливать себя с надела и нести за него повинности в пользу помещика, прибегал «к „сторонним заработкам“, носившим сначала, в доброе старое время, форму либо самостоятельного промыслового труда (например, извоз), либо несамостоятельного, но оплачиваемого сравнительно сносно вследствие крайне слабого развития промыслов. Это состояние обеспечивало некоторое, сравнительно с теперешним, благосостояние крестьянства, благосостояние крепостного люда, мирно прозябавшего под сенью ста тысяч

⁵⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 165.

⁵⁹ Там же, т. 1, стр. 306.

⁶⁰ Там же, т. 1, стр. 477.

⁶¹ Там же, т. 3, стр. 166.

⁶² Там же, т. 3, стр. 167—168.

⁶³ Там же, т. 1, стр. 395.

благородных полицеймейстеров и нарождающихся собирателей земли русской — буржуа»⁶⁴.

Замедленное развитие буржуазных отношений в деревне В. И. Ленин связывал также с тем, что возникавшие внутри общины буржуазные элементы свою деятельность длительное время ограничивали лишь ростовщичеством и торговлей. В этой связи В. И. Ленин писал: «...самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне *задерживает* разложение крестьянства»⁶⁵. Сословная замкнутость общины делала невозможным проникновение в нее лиц торгово-промышленного класса, что, как отмечал В. И. Ленин, ограничивало развитие промышленности⁶⁶. Наконец, В. И. Ленин прекрасно показал, что сама сельская буржуазия не была заинтересована в уничтожении общины и ее патриархальных традиций, так как община становилась орудием порабощения разоряющихся соседей-крестьян и орудием защиты интересов сельской верхушки. Особенно ярко это проявилось в пореформенное время, но, разумеется, и в крепостническую эпоху развивающиеся буржуазные элементы использовали общинные порядки в своих целях и старались их обойти в случае необходимости; «...разрушение сословной замкнутости крестьянской общины, по мере экономического развития, становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, проистекающие отсюда, вовсе не так значительны. „Хозяйственный мужичок“ легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, съездить куда угодно на любое время по торговым делам. Но для „крестьянина“, живущего главным образом продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к обществу означает громадное стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и изыскивающим всяческие способы кабалы», — отмечал В. И. Ленин, имея в виду уже пореформенную действительность⁶⁷.

Анализируя путь капиталистического развития русской деревни, В. И. Ленин развивал мысль К. Маркса, высказанную в III томе «Капитала», о том, «что та форма поземельной собственности, которую застаёт в истории начинающий развиваться капиталистический способ производства, *не соответствует* капитализму. Капитализм *сам создает* себе соответствующие формы земельных отношений из старых форм — из феодального помещичьего, из крестьянски-общинного, кланового землевладения и т. д.»⁶⁸. Логическое следствие начавшегося в условиях крепостничества разложения общины В. И. Ленин видел в том, что капитализм «перерастает узкие формы средневекового, деревенского капитализма, разрывает крепостническую власть земли и заставляет давно уже дочиста обобранного и голодного крестьянина, бросив землю в общество для уравнительного распределения между торжествующими кулаками, уходить на сторону, бродить по всей России...»⁶⁹. Этот этап в истории общины не относится к эпохе крепостничества, но подготовлялся и развивался он по мере усиления кризиса феодального общества именно в эту эпоху.

На основе марксистско-ленинской методологии советские исследователи разрешили многие вопросы из истории общины, над которыми тщетно билась буржуазная наука в России. В результате многочисленных исследований о становлении и развитии феодальной формации на

⁶⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 248.

⁶⁵ Там же, т. 3, стр. 178.

⁶⁶ Там же, т. 2, стр. 420.

⁶⁷ Там же, т. 2, стр. 535—536.

⁶⁸ Там же, т. 16, стр. 252.

⁶⁹ Там же, т. 1, стр. 333—334.

Руси казавшийся неразрешимым вопрос об отношении крестьянина к земле — был ли он когда-либо ее собственником или сидел испокон века на земле господской — стал уделом историографии. Огромная работа, проведенная советскими учеными, по систематизации, изучению и сопоставлению источников древней Руси показала, что древнерусская сельская община, как переходная ступень от родовой организации к политической, на протяжении своей дальнейшей жизни не оставалась неизменной. Б. Д. Греков писал, что уже в X—XI вв., в ранний период феодализации на Руси крестьянская община играла страдательную роль. В этом процессе «наступающей и побеждающей силой является землевладелец (князь, дружинник, церковь), осваивающий землю, подчиняющий себе путем экономического и внеэкономического принуждения свободного общинника-смерда»⁷⁰. Этому наступлению в ходе дальнейшей феодализации общества и упрочения крупного землевладения было уделено много внимания исследователями истории русского крестьянства XIII—XVI вв. (А. И. Копанев, Ю. Г. Алексеев, Г. Е. Кочин и др.)⁷¹. Длительная борьба волостных общин за свои земли и за право самоуправления, внутриобщинная хозяйственная деятельность, взаимоотношения общин между собой, с феодалами и усиливающейся государственной властью свидетельствовали об общественной и хозяйственной жизнедеятельности общинной организации на протяжении указанного времени. М. Н. Тихомиров, характеризую крестьянские и городские общины России XVI в., писал: «Крестьянская община в XVI столетии еще сохраняла многие черты древней верви времен Киевской Руси... Конечно, количество черных земель непрерывно уменьшалось, но в XVI столетии крестьянское землевладение все-таки играло еще большую роль»⁷². Феодалы к концу XVI в. добились разрушения волостной общинной организации в центральных уездах страны, но тем не менее сельская община продолжала существовать. Ее история в позднефеодальной России заслуживает пристального внимания. Отдельные исследователи отмечали ее тягловый и полицейский характер в XVII—XVIII вв.⁷³, но эти черты вряд ли исчерпывали все существо сельской общины. Ленинское понимание общины как средневекового «союза по владению надельной землей», ее сословного антифеодального антагонизма, роли общины в зарождении буржуазных элементов в России позволяет значительно шире ставить и решать проблему истории русского крестьянства в крепостническую эпоху. В частности, вне связи с историей сельской общины весьма затруднительно решение проблемы генезиса капитализма в России, которой в настоящее время уделяется пристальное внимание в советской исторической науке. Сельская община, как сословный институт, отражала глубокие противоречия социально-экономического развития феодальной России. В. И. Ленин впервые показал роль этого важнейшего института в многовековой истории русского государства.

SUMMARY

Pre-revolutionary Russian literature on the village community (the *obshtchina*) mirrored the intense social and political struggle centering on the direction in which the Russian village evolved after the 1861 reform. Russian bourgeois historians owing to their methodological weakness and to their social-political bias were unable to solve the theoretical controversy as to the historical destinies of the village community in Russia.

⁷⁰ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1, стр. 227.

⁷¹ А. И. Копанев, История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., М.—Л., 1951; Ю. Г. Алексеев, Аграрная и социальная история северо-восточной Руси XV—XVI вв., М.—Л., 1966; Г. Е. Кочин, Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в., М.—Л., 1965.

⁷² М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 62, 63.

⁷³ См., например, Д. И. Петрикеев, Крупное крепостное хозяйство XVII в., Л., 1967, стр. 160 и сл.

It was only Marxist-Leninist science that was able to reach a methodological solution of this problem. V. I. Lenin developed further the theses proposed by K. Marx and F. Engels and was the first to show that the nature of the village community was determined by the social-economic system under which it existed. V. I. Lenin showed the contradictory character of the village community in Russia under serfdom — its unity in the struggle against the feudal lord on the one hand and its transformation into an instrument securing feudal interests on the other. V. I. Lenin pointed out that the Mediaeval village community stemmed the economic development of the Russian village under serfdom; at the same time it was within the village community that the bourgeois elements gradually evolved.
